

С. В. Ильина¹

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ ДИАЛОГА КУЛЬТУР

Фундаментальная работа Д. С. Лихачева «Некоторые задачи изучения второго южнославянского влияния в России» породила обширную литературу в виде многочисленных рецензий и откликов в нашей стране и за рубежом. Под влиянием этой работы оказался и Ю. М. Лотман, который понятие «влияние» предложил заменить словом «диалог», ибо «в широкой исторической перспективе взаимодействие культур всегда диалогично»².

Напомним абстрактную схему диалога, выстроенную Ю. М. Лотманом. В условиях культурного диалога первый из его участников («передающий») обладает большим запасом накопленного опыта (памяти), а второй («принимающий») заинтересован усвоить этот опыт. Первой чертой всякого диалога является попеременная активность передающего и принимающего. В то время когда один из участников диалога осуществляет передачу некоторых текстов, другой соблюдает паузу и находится на приеме. Второй чертой диалога является выработка общего языка общения. Процесс этот делится на этапы. Сначала наблюдается односторонний поток текстов, которые откладываются в памяти принимающего.

Следующим этапом является овладение чужим языком и свободное им пользование, усвоение правил порождения чужих текстов и воссоздание по этим правилам аналогичных им новых. Затем наступает критический момент: чужая традиция коренным образом трансформируется. Чужое становится своим, трансформируясь и часто коренным образом меняя свой облик. В этот момент роли могут меняться. Принимающий становится передающим, а первый участник диалога переходит на прием, впитывая поток текстов, текущих уже в обратном направлении.

Момент, когда тот, кто принимает поток текстов, вдруг меняет его направление и становится их активным транслятором, сопровождается вспышкой национального самосознания и ростом враждебности к доминировавшему прежде участнику диалога. В конкретных исторических обстоятельствах это может объясняться политическими или даже военными претензиями последнего на руководящую роль вне сферы культуры. Однако это не обязательно.

С точки зрения получателя, передающий может рассматриваться как временный — и часто недостойный — хранитель доставшихся ему духовных ценностей. В этом случае высокая оценка получаемых текстов не только не противоречит, а подразумевает низкую оценку тех, от кого они получены, а сам факт получения рассматривается как обретение идеями их

подлинного достойного места. Это «бунт периферии против центра».

Наглядным примером такого «бунта» может служить схема циркуляции идей Просвещения в пространстве. Рассмотрим только русский аспект. Идеи Просвещения первоначально воспринимаются именно как французские идеи — идеи, высказанные философами-энциклопедистами на французском языке на страницах французских книг. Французский язык — это язык европейской образованности. Всякий, кто претендует «в просвещении стать с веком наравне», должен читать сочинения французских просветителей в подлиннике, черпать непосредственно из источника. Однако очень скоро новые идеи из «чужих» делаются «своими», национализируются и вызывают к жизни русские тексты просветительского толка. Более того, идеи Просвещения начинают восприниматься как вечные истины, естественные и общечеловеческие, начинаются поиски корней в национальной культуре.

Если первоначально господствовало стремление «сжечь все, чему поклонялся», то теперь истину находят не в «новом» и «чужом», а в «исконном» и «своем». То есть начинают поклоняться «всему, что сжигали».

Просветительские идеи обернулись идеализацией местной патриархальной традиции и волной антифранцузских настроений. Когда французские батальоны начали маршировать по полям Европы, антифранцузская публицистика уже могла опереться на солидную традицию. Антифранцузские настроения в России появились задолго до Великой Французской революции и тем более до наполеоновских войн. Они были вызваны не французской угрозой, а французским влиянием.

То, что диалог культур сопровождается нарастающим неприязни принимающего к тому, кто над ним доминирует, и острой борьбой за духовную независимость, — важная типологическая черта. Среди других типологических черт культурного диалога важно отметить, что отношение диалогического партнерства в принципе асимметрично. В начале диалога доминирующая сторона приписывает себе центральную позицию в культурной ойкумене, навязывает принимающим положение периферии. Эта модель усваивается принимающими, и они сами себя оценивают подобным образом, одновременно приписывая себе признаки новизны, молодости, позицию «начинающих».

Однако по мере приближения к кульминационному моменту «новая» культура начинает утверждать свою «древность» и претендовать на центральную позицию в культурном мире. Не менее существенно, что переходя из состояния принимающего в позицию передающего, культура, как правило, выбрасывает значительно большее число текстов, чем то, что она впитала в прошедшем, и резко расширяет пространство своего воздействия. То есть вторжение внешних текстов играет роль дестабилизатора и катализатора, приводит в движение силы местной культуры, а не подменяет их. «Поэтому при описании под другим углом зрения влияния

¹ Доцент кафедры философии и социальных коммуникаций Санкт-Петербургского торгово-экономического института, кандидат исторических наук. Автор около 100 научных публикаций, в т. ч.: «Интерпретация художественного текста», «Скульптура есть диалог с тем, кто перед ней стоит», «Диалог культур и культурная самобытность русских», «Что такое мода и почему ей следуют?» и др.

² Лотман Ю. М. Проблема византийского влияния на русскую культуру в типологическом освещении // Византия и Русь : сб. М., 1989. С. 228.

ми можно и пренебречь, подобно тому как, записывая абстрактную формулу реакции, мы не вписываем в нее, однако, катализаторов, без которых реальный процесс не осуществляется», — уточняет Ю. М. Лотман¹.

Самые тесные контакты в военной, политической или других сферах не приводят к культурному воздействию, если отсутствует диалогическая ситуация. Так, например, Русь испытала влияние приемов татаро-монгольской дипломатии, однако при длительности и близости фактических связей культурного диалога не получилось. Татаро-монгольское нашествие надолго прекратило расцвет искусства, который запечатлен в архитектуре, живописи, скульптуре Киевского княжества. Художественная жизнь замерла. Были не только сожжены, разрушены и ограблены многие памятники искусства, но убиты или увезены в плен мастера — создатели этих произведений.

Типологические параллели убеждают, что интенсивное усвоение чужих текстов при диалоге культур дает на следующем витке мощный выброс собственных в окружающее пространство. «Так русский XVIII век стал неизбежной основой следующего этапа — эпохи русского романа XIX столетия, положившего начало потоку культурного воздействия России на Запад»², — пишет Ю. М. Лотман.

Русско-византийский диалог такого витка не дал. Это явилось результатом двойного нарушения «нормального» развития сил в культурном ареале. К XII веку киевская культура вполне созрела для того, чтобы сделаться активным транслятором текстов в европейском культурном пространстве. «Слово о полку Игореве» — убедительное тому свидетельство. Однако вторжение татаро-монголов сорвало эту возможность. В другой раз аналогичная ситуация начала складываться в XIV–XV веках. Но на этот раз взятие Царьграда турками разрушило всю структуру культурного пространства. А концепция «Москва — Третий Рим»

определила принципиальную монологичность культурной ориентации.

Накопленная в результате русско-византийского диалога культурная энергия, сложно трансформируясь, вошла в дальнейшем как часть в культурный взрыв XVIII века. Субъективно периоды равновесных структур переживаются как эпохи величия — «Москва — Третий Рим» — и в самоописаниях культуры склонны отводить себе центральное место в культурном мире.

Неравновесные, динамические эпохи склонны к заниженным самооценкам, помещая себя в пространстве культурной периферии, и отмечены движением к стремительному следованию, обгону культурного центра, который представляется и как притягательный, и как потенциально враждебный.

Как мы видим, ситуация русско-византийского диалога сегодня типологически повторяется. Однако история культуры, похоже, ничему не учит, она лишь наказывает за невыученный урок. И сегодняшняя наша жизнь — яркое тому свидетельство, особенно диалог, ведущийся сегодня между Россией и Америкой.

Предшествующие диалоги культур сегодня особенно значимы, так как они могут стать моделями для всех последующих контактов такого рода. На смену Америке идет Китай. И если возникнет ситуация культурного диалога, начнем учить китайский язык, осваивать тексты, изложенные на нем, затем наступит охлаждение во взаимоотношениях. И только потом наступит четвертый этап, без вступления в культурный диалог не появляющийся, — Россия начнет транслировать нечто новое, самобытное. На высокую степень адаптивности русской культурной традиции неоднократно указывал Д. С. Лихачев. Учитывая глобализационные процессы, диалог культур позволяет уловить общие тенденции в развитии человеческого сообщества, в том числе и те изменения, которые связаны с национально-культурной идентичностью.

¹ Лотман Ю. М. Указ. соч. С. 232.

² Там же. С. 233.